

18+

ОКТАБРЬСКИЙ ВАЛЬС

Вячеслав Васильев

Вячеслав Васильев

**Октябрьский вальс.
Стихотворения**

«Издательские решения»

Васильев В.

Октябрьский вальс. Стихотворения / В. Васильев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552073-9

Эта книга — первое собрание сочинений Вячеслава Васильева, содержащее основную часть стихотворений, написанных на момент выхода. В неё не вошли ранние произведения, стихотворные переводы, поэзия на иностранном языке и проза. Тексты подготовлены самим автором. Порядок стихотворений не следует хронологическому принципу. Датировка отсутствует.

ISBN 978-5-00-552073-9

© Васильев В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ОСТРОВ ПАМЯТИ	7
«Мой город – мир каналов и мостов...»	7
Балтийский хлад	9
Retrouvailles	10
«Когда так утомляет подданство...»	13
«Представьте только тихий городок...»	14
Стук	15
«Стираю всё, что написал сегодня ...»	16
Дождь	17
Осипшая площадь	19
Остров памяти	21
«Теперь, когда восторженность прошла...»	23
На жизнь И.Б.	24
Такси в небо	25
«Пусть я печален, молчалив...»	26
Освобождение	28
Неужели	29
Письмо из Венеции	31
Проспект Непокорённых	32
Тени	33
Дальний свет	34
«Если жизнь положить в светло-серый конверт...»	35
Сырая дрожь	36
Зимние стансы	38
Петербургские строфы I	40
Вам	45
Regum	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Октябрьский вальс Стихотворения

Вячеслав Васильев

Иллюстратор Kuratagu

Дизайнер обложки Kuratagu

© Вячеслав Васильев, 2023

© Kuratagu, иллюстрации, 2023

© Kuratagu, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0055-2073-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Слово – драгоценная жемчужина. Два слова – волшебная связь. Три слова – божественное ожерелье, сплетённое из лучших жемчужин...

В Исландии в XVII веке ходило множество легенд про так называемых сильных поэтов. Считалось, что строфа сильного поэта могла вызвать проказу или другую тяжелую болезнь, даже смерть, поднимала мертвеца из могилы и творила чудеса. Такие строфы обычно были импровизацией – божественное ожерелье плелось глубоко в сердце.

Вячеслав Васильев – по моему скромному мнению, один из таких сильных поэтов. Каждое его произведение – ожерелье, достойное богов. Его язык интересный, образы яркие, строки наполнены силой и притягательной энергетикой.

Считаю большой честью сотрудничество с Вячеславом. В каждую иллюстрацию я вложила частичку своего сердца.

Окунайтесь в эти строки с головой. Пускайтесь с ними в октябрьский вальс. Примеривайте драгоценное ожерелье неторопливо...

Приятного путешествия!

Kurtagu

художник, иллюстратор

ОСТРОВ ПАМЯТИ

«Мой город – мир каналов и мостов...»

Мой город – мир каналов и мостов,
Раскинувшийся в северных широтах,
Моя река – страна безмолвных льдов,
Белеющих под серым небосводом —

Я вас люблю. Люблю ваш гордый мрак
И молчаливый северный характер.
Я вас люблю всем сердцем, просто так,
За то, что вы вокруг, а не на карте.

Мой Невский ветер, как ты, старина?
Бок о бок мы прошли по тротуарам
Десятки, сотни вёрст... Молчит луна,
И подворотни дышат перегаром.

Да, где-то здесь почти сто лет назад
Ушёл из жизни солнечный Есенин.
И очень скоро я уйду в закат
И не оставлю миру даже тени,

Лишь только строки писем и стихов
И порванные от досады струны...
Не надо слёз, не надо лишних слов,
Прошу лишь отнести на пристань урну

И над заливом мой развеять прах,
В ненастный день смешать его с волнами,
Пока я там, на небе, в рай иль в ад
Иду, не торопясь, за ключарями.

И, если честно, мне неважно где
Я буду вспоминать свой дом и детство.
Мне б только видеть с неба блеск церквей,
Дворцы, Неву и шпиль Адмиралтейства.

Балтийский хлад

Как ржавый лист, спадающий на грунт,
Рыжеет город, тронутый прохладой.
И ветвь, под стать гусиному перу
В моих руках, дрожит. И колоннада
Казанского собора стынет на
Октябрьском ветру. А лужи, будто
Балтийский хлад, не ведающий дна,
Собой являют лёгкую простуду.

И глушит насморк громкие слова
Моей любви к свинцу, как к части неба.
И полон взгляд истлевшего дотла
Да сыростью разбавленного пепла.
И жизнь струится лёгким сквозняком
Меж старых рам и выпавших в ночь стёкол.
И хмурый дождь вновь плачет ни о ком
Под мерный хрип и кашель водостока.

Retrouvailles

Я вернулся туда,
Где заря покрывается пеплом,
Где тоскует вода
По рыдающим тучам, по белым
Простыням декабря,
Где нетрудно сказать простывшим
И смотреть, как горят
Одинокие звёзды над крышей.

В хмуро-пасмурный день
Отправляется грохот трамвая,
Словно чёрная тень,
Убежавшая ночью из рая.
Застывает земля
В неизменной гримасе удушья,
И минорное «ля»
Холодит покрасневшие уши.

Где-то ветреный вальс
Избегает замученных взглядов,
Где-то гаснут сейчас
Чьи-то лампы от нежности града,
Где-то криком весна
Озаряет младенческий кокон,
Где-то мне не до сна
В бесконечном мерцании окон.

То ли грусть тяжела,
То ли небо упало на плечи,
То ли юность прошла
Сквозь пустые, но длинные речи,
То ли солнце взошло,
Полумрак не рассеяв, не тронув,
То ли жить хорошо
В колыбели имперской короны.

Вот я вновь на бегу,
Не лишённый задумчивой маски,
Окликаю тоску
И Неву под мостом Володарским,
Окликаю свой крик,
Но врезаюсь в бетонную стену.
И лишь солнечный блик
Заползает в набухшую вену.

Здесь любовь по рублю.
Здесь, куда ни посмотришь – разлука.
Ветер равен нулю,
Ибо осень приходит без стука.
Замахнувшись на смерть,
Замечаешь лишь тень от испуга —
Просто ей умереть
Не такая большая наука.

Славься, вечная жизнь
В задымлённых и пыльных квартирах!
Только б чувства неслись
По останкам заблудшего мира,
Только б было, куда
Положить, докурив, сигарету,
Только б пела вода
Об ушедшем вглубь разума лете,

Только б знала Нева,
Как любил я холодные волны...
Смотрит в душу сова
И моргает под стук метронома.
Льётся утренний дождь,
Размывая надежды слезами,
И невольная дрожь
Говорит о стихах с небесами.

Дорогая страна
Долгих зим и короткого лета.
Не любовь ли она?
Нет – прогнившая насквозь карета.
Кони тянут её,
Проходя между счастьем и болью,
Между ночью и днём,
Под моей безответной любовью.

Где-то тлеет огонь,
И скрипит пара сломанных стульев,
Умолкает перрон
В дикой страсти своих поцелуев,
Где-то кажется, что
Эта осень милее прошедшей,
Где-то вера в ничто
Нынче рядом с умершей надеждой.

Только чайки кричат
Под металл колокольного звона,
Только ветру крепчать
Под раскаты далёкого грома.

Если где-то ещё
Пробивается свет через тучи,
Значит, всё хорошо.
Значит, будет когда-нибудь лучше.

«Когда так утомляет подданство...»

Когда так утомляет подданство,
Что мысли полнятся безумием,
Когда от сорванного голоса
Попахивает слабоумием,
Когда теряешь равновесие
От долгого, как вечность, голода,
Когда не кажутся чудесными
Бескрайние просторы города,
Ты чаще думаешь о равенстве,
Чем о прощении и совести,
И, кажется, дойти до крайности
Не тяжелей, чем до Ленобласти
Из Петербурга. Не отчаявшись,
Нельзя достигнуть просветления.
И только в двадцать лет состарившись,
Ты ценишь каждое мгновение.
Бесспорно, старость окончательна,
Она не знает отступления,
Как ты не знаешь, что зачатие
Есть нечто большее, чем трение.
Всё потому, что не почувствовал
Ещё в груди такого жжения,
Что говорит тебе без усталости
Оставить миру продолжение
Своих идей и генов. Копится
Ещё внутри тебя желание
Не оказаться в одиночестве
Из-за большого расстояния,
Не оказаться вдруг непонятым
В своё последнее мгновение,
Не оказаться вечным подданным,
Не оказаться мнимым гением.

«Представьте только тихий городок...»

Представьте только тихий городок,
Укутанный в октябрьскую морось.
Представьте блеск очищенных дорог
И нежный, окликающий вас, голос,
Идущий сзади. В свете фонарей
Пока что мокрых, кажется, что лучше
И краше мир. И в крыльях голубей,
В которых отражаются лишь тучи,
Вдруг видишь свет влюблённых в небо глаз
И лёгкую улыбку на манящих
Больших губах. И, кажется, сейчас
Особенно обидно за незрячих.
Представьте только тихий городок,
Степенно погружающийся в воду.
Представьте, как спускающий курок
Надеется на выстрел. В непогоду
Я так же, как и он, надеюсь, что
Она не прекратится, ибо влага
Податливее делает перо
И благородней реяние флага.

Стук

Стучит по крыше где-то вдалеке
Настойчиво, неистово, печально,
Стучит, как чей-то палец по руке
В минуту отрешённого молчанья,
Стучит, как раскалённый пулемёт
В разгар смертельной битвы за свободу,
Стучит подобно сердцу. Дождь идёт.
Давай ведро под сладостную воду.

На деле всё сложнее, чем в мечтах.
Осенние закаты нестерпимы
Своей прохладой, болью в кандалах
Уснувшего в темнице нелюдима.
И даже чайник кажется врагом,
Когда шумит на кухне, закипая.
Куда ни глянь, лишь всполохи кругом
Рычащих молний. Дождь не утихает.

Скулит под ливень выброшенный пёс,
Незнающий, где взять в аренду крышу
Над доброй мордой. Знал ли он, что гроз
На спину ляжет столько? Только слышит —
Стучит по крыше где-то вдалеке,
Стучит по тротуарам и аллеям.
И катится комета по щеке,
Теряя свой огонь и холодея.

Во тьме любви запутавшимся жаль
Своих сердец, загубленных в страданиях.
Ты поправляешь выцветшую шаль
Под адскую свирель бомбометаний.
Я поправляю жизнь, но тяжело —
Она не поддаётся уговорам.
И, глядя на знакомое окно,
Вонзаю взгляд в задвинутые шторы.

Молчание парадных, холод лет,
Прошедших здесь когда-то, угнетают.
В огне от спички виден силуэт,
Что машет мне рукой и исчезает.
И как всегда средь дыма и планид
Мне чудится фигура милой девы,
Любимая до боли. Не стучит
Ни где-то, ни в груди, ни в окна веры.

«Стираю всё, что написал сегодня ...»

Стираю всё, что написал сегодня —
Письмо тебе оставить не смогу.
Рассвет (зимой обыкновенно сонный)
Вновь дарит жизнь замёрзшему окну.

В нём виден парк, чуть заметённый снегом,
И маленькая церковь, что за ним,
Забытая, наверно, целым светом,
Как я забыт — недуг у нас один.

Из приоткрытой форточки не дует,
Что странно. Жизнь привыкла удивлять.
Я не могу представить, как целует
Тебя другой. Пора всё поменять,

Надеть пальто и нахлобучить шляпу,
Вспороть ключами внутренность замка.
Пусть город провожает меня взглядом,
И колокол кричит: «Пока! Пока!»

Дождь

В рукав Неву заправить на бегу
К иссякшему источнику страданий,
Заглядывая в очи старику,
Грозящему блокадой изваяньям,
Застывшим средь величественных глыб,
Обглоданных дождём, как волчьей стаей.
Когда залив выплёвывает рыб,
Костлявый шторм, не прячась, наступает
На горло вечным набережным. И,
Признаться честно, к этому привыкнув,
Уже не просыпаешься в ночи
От грохота прибоя. Ветер, стихнув,
От молнии и грома прикурив,
Уляжется под аркой, ибо поздно,
И шторы глаз свинцовые закрыв,
Забудет о горящей папиросе.

«ОСИПШАЯ ПЛОЩАДЬ»

Осипшая площадь

I

Поколение гордых, ушедших в осень,
Представляющих вечность, как цифру «восемь»,
Что положена набок, подобно юной
Обнажённой деве, поёт о лунах,
Что кружат средь пыли окрест Сатурна,
Проходя сквозь кольца, считая сумму
Непрожитых лет; и, поскольку холод,
Остаёшься вечно румян и молод.

II

Голубиный шум над осипшей пьяцца
Обращён в мечту, в громыханье плаца,
Обращён в любовь ко дворцам и водам.
Закури, мой друг, и дыши свободой.
Да, заморский дождь не чета родному.
Не стыдиться плача в тоске по дому —
Не стыдиться жизни. Пальто укрывшись,
Смаковать коньяк и гулять по крышам.

III

Выходя в бинтах посмотреть на море,
Пропитавшись смертью в густом растворе,
Ты выходишь жить, претворяясь, будто
Для тебя вся жизнь не прошла в минуту.
Ты глядишь вглубь волн и во мрак гондолы,
Не способный ждать и сказать хоть слово.
Голубиный шум над осипшей пьяцца
Научил писать, разучил смеяться.

IV

Фонарям подстать, понемногу гаснем.
Карнавал нас всех научил жить в масках,
Но глаза не скрыть. И, объятый ветром,
Колеси по снам, колеси по свету.
Если зонт из дыр твой соткали — ладно.
Не хочу шагать, а стоять прохладно
На сыром ветру, ибо волны нынче
Оживают и ничего не слышат:

V

Ни мольбы людей замереть и стихнуть,
Ни печальный выдох того, кто сгинет
В ледяной воде, разносясь по морю
Бесконечным эхом и ре-минором.
Почему всё так получилось? Знать бы...
На осипшей пяцца гуляет свадьба,
И смотреть на это из мутной толщи
Безразличных вод и грустней и проще.

Остров памяти

Я всё бегу на огонёк,
Сбивает ветер с ног, пугает.
И пройден вдоль и поперёк
Маршрут ушедшего трамвая —
Он был последним в этот день,
И в эту ночь, и в эту зиму.
И фонари бросают тень
На реку слёз и керосина
От дивно сделанных перил
Седых мостов, во снег одетых.
Я, свет преследуя, курил,
Вдыхая душу сигареты,
Надеясь встретить отчий дом
В потёмках выщербленных улиц.
Что делать, если север в том
Обличье, в коем он зимует,
Похож на место, где я рос
Своей печалью и тревогой?
Что делать, если мало слёз,
Когда их много?

Новоявленные черты
Давно заученных каналов
Уходят в прошлое, в порты,
Где даже море снится алым
От предзакатного огня,
Во кровь окрасившего воды.
Я всё бегу. И пусть меня
Запомнит мир в лучах восхода.
Уснули каменные львы,
Уснули старые квартиры,
Уснули тёмные дворы,
Уснули все на шапке мира —
Не сплю лишь я в глухой ночи,
Бегу на свет, в пальто ввернувшись.
Лишь только пёс во тьме кричит
О том, что раньше было лучше,
Лишь с окон капает стекло,
Как будто море вышло в город
И за собою повлекло
Рукой за ворот.

Я всё бегу на дальний свет
За обезумевшими все
Тенями, вросшими в портрет

Вечно седого поцелуя
Немого города с его
Неувядающею ночью.
Минуя скверы и кино,
Минуя линии (для прочих —
Минуя улицы на том
Туманном острове с огнями
На пиках сказочных колонн),
Идя дворами и церквями,
Я удаляюсь от людей
И исчезаю в переулках.
Я всё бегу на зов огней
Сквозь ночь, оставленную звуком.
И всё мне кажется, что свет
Уходит дальше час от часа.
И всё мне кажется, что нет
Нужды прощаться.

«Теперь, когда восторженность прошла...»

Теперь, когда восторженность прошла
Вдоль чёрных фонарей, уставив в землю
Свой блеклый взгляд, с безмолвия ножа
Степенно каплет розовое зелье.

Теперь, когда закаты холодны,
А звёзды – что-то большее, чем точки
В бездонном небе, кажется, что мы —
Часть вечности, разорванная в клочья.

Не встать ли нам на мрачный постамент,
Одевшись в камень? – Время не позволит.
Молчание минующих нас лет
В парадных отзывается лишь болью.

Куда бежать, скрываясь от тоски
Столь тяжкой, что вздохнуть нам не под силу?
Представить, что мы с вечностью близки.
Представить, что до космоса лишь миля...

Теперь, когда ты где-то далеко,
А я всё здесь, представить, что мы вместе.
Сползая по стенке горною рекой,
Навечно оставаясь бестелесным.

Забиться в угол, думать и молчать,
Держать в руке трубу от батареи.
Любовь острее былинного меча
И ранит тоже глубже и больнее.

Теперь, когда в дыму от сигарет
Лениво просыпается мой город,
Глядеть в окно. «Дождя, похоже, нет...»
Я, как И.Б., тонул и был распорот.

А где-то в это время шла война.
Минул её – вдыхай же грудью радость!
Любовь одна и смерть всегда одна.
Одна из уст исходит благодарность

Суровой жизни в северных краях.
Мосты стареют, дымкой покрываясь,
А в толще вод немые якоря
Лежат на дне, хрипя и умирая.

На жизнь И.Б.

Немая связь с прошедшею зимой,
Всклокоченной и ветреной – излишни
Признания в любви к багряной вишне —
Утеряна, как связь с передовой.

Лежит листок и вянет на столе,
И сигарета тлеет между пальцев
Уже холодных. Щёки без румянца
Бледнеют, словно взоры на Неве.

И тянет жизнь куда-то на юга,
Туда, где водоёму чужды льдины.
И набережной всех неисцелимых
Я величаю жизни берега.

Я не был в клетке, корки не жевал,
Гвоздём на стенах буквы не царапал,
Не нёс в кармане сладостную граппу
На полный слёз и фальши карнавал.

И не держались камушки в парче.
И не легло изгнание на спину.
И не рыдала дальняя осина
По мне иль по кому-нибудь вообще.

Такси в небо

Мы надеялись в жизни на звон стаканов,
Завывания бедных, мычанье пьяных,
Потому что жизнь не совсем красива.
Погляди в окно – подошло такси, но

Не спеши садиться в его утробу.
Мы клялись проходим в любви до гроба,
Разбивали вазы средь толп идущих
На потеху мёртвым и грусть живущим.

Мы плевали в небо, в Меркурий целясь —
Охладить хотели. Куда все делись?
Растворились в мире, как сахар в чае.
Начинаешь жить? Так начни сначала.

Погляди в окно – подошло такси, да.
Захвати багаж и бутылку сидра,
Не своё пальто и духи чужие.
Вспомнит ль кто-то, что мы когда-то жили?

И не в первый раз прохудились туфли.
Как забыл я газ отключить на кухне?
Обезумел дождь, и октябрь спился.
Я тобой дышал, но тебе не снился.

Старый город мал для любви поэта.
Чем теплей закат, тем прохладней лето.
Погляди в окно – подошло такси. Так
Выбегай быстрее, пока не вымок.

Одиноко спать средь гвоздей и досок.
О тебе мечтал, но остался с носом.
Наконец я понял, что ты любила
Только пару дат на моей могиле.

Мы кричали всем, что почти бессмертны.
Чем теплей зима, тем прохладней лето.
Чем короче жизнь, тем длиннее вечность,
Тем мертвее память и мы, конечно.

Погляди в окно – подошло такси. Нет
Ледяная кровь из глазниц не хлынет.
Если кто-то ждёт, не сказав ни слова,
Значит жизнь пройдёт. И начнётся снова.

«Пусть я печален, молчалив...»

Пусть я печален, молчалив,
Порой безумен, или странен —
Душа полна плакучих ив
И покалечена местами.

Но несмотря на жуткий смех
Судьбы в лицо моё простое,
Я в темноте молюсь о тех,
Кого затронул за живое —

Простите мне. Из глаз моих
Когда-то добрых и лучистых
Теперь в мир рвётся только крик
И боль опавших золотистых

Осенних листьев. Плачет Русь
На год простившись с красным летом,
А я лишь молча развернусь
На каблуках перед проспектом

И побреду куда-то вдаль,
Растаю в парке близлежащем,
И буду ждать, пока февраль
Покинет выцветшую чашу.

И хоть я сам себе не враг,
Но позволяю сладкой грусти
Порой являться просто так
В моих раздумий захоlustье.

И каждый раз грущу о том,
Что не воспел в стихах и песнях
Свои края и отчий дом,
Степей бескрайних лик чудесный.

Я так неистово хочу
В рассветный час уйти из дома
Навстречу первому лучу,
Что капнет с неба голубого

На тело, точно, как вода
С ветвей белеющей берёзы,
Что днём прозрачна и чиста,
А ночью отражает звёзды.

Пушай бьёт колокол по мне,
Пушай река и ветер свищут.
Да, жизнь поэта – сумма дней,
Когда он ждёт, грустит и пишет.

Освобождение

Дорогая,
Я бежал из-под стражи в начале дня
В задымлённый город, скользящий в море
На имперских лыжах. И чтоб меня
Разразило громом, коль вру – без крови
Обойтись не вышло. Конвойный пал
От разрыва сердца, увидев это —
Я бежал сквозь терний, ведь точно знал,
Что за болью ты. И твой голос ветер
Доносил в тот миг до моих ушей.
Только рвались руки, шипы целуя,
И рассветный луч рисовал мишень
На моей спине. И летела пуля,
Утирая слёзы, вдогонку мне,
Обжигая воздух холодный, зимний.
Я бежал сквозь время к одной тебе,
Заливая кровью следы и иней.
Дорогая, всё, что проходит – жизнь.
Без любви нет смысла дышать и плакать.
И, как хвост звезды, что несётся вниз,
Леденеет срок на стене барака.

Неужели

Неужели снова
над тихой болью грохочет осень?
Неужели небо
покрыто сталью и цветом камня?
Над замёрзшей кроной
из гулкой ночи выходит солнце,
Протирая лик свой,
давно не спавший, от слёз руками.
Неужели небо
стремится к звёздам, как к мачте чайки?
Неужели ноги
возлюбят землю, лишь дождь проступит?
На проспекте юных
с балконной нити свисает майка,
И листва кружится
в извечном танце. Пусть так и будет.
Неужели где-то
среди каналов меня запомнят?
Неужели правда,
что всех отпели, швырнули в ямы?
Я остался чем-то
упавшим с неба на мозг Ньютона,
Тяготая к жизни
на стылых фьордах в любви с морями.

Бесконечный зуммер
гремит над жизнью уставшим эхом.
Покрывало стонет
под грузным телом былой печали.
Только память жмётся
к витринам мыслей на склоне века,
Подгоняя время.
Вдруг ноль на башне – и всё с начала.
Неужели ветви
берёз угаснут, совсем как свечи?
На конечных давки —
конец недели, все лезут в норы.
Открываешь сумку,
и тьма стреляет со дна картечью.
Уезжают все,
остаются трассы и светофоры.
Неужели всё,
чего так желалось, вдруг станет былью?
Неужели солнце
за нас решило, что греть не надо?

На погосте слова
грустней не сыщешь, чем слово «были»,
Потому и пишут
на сером камне одни лишь даты.

Письмо из Венеции

Здесь нависает выцветший фонарь
Над головою путника. Здесь осень
Вплетается меж треснувших колонн
И пыль сдувает с крыльев голубиных.
Здесь дождь ныряет в море по утрам,
Прорвавшись сквозь туман. Здесь пахнет кофе
У маленьких закусовых, где есть
Всегда бутылка виски. Здесь тоска
Приятнее, чем счастье. Под зонтом
Всегда найдётся место для второго
Промокшего до нитки беглеца
От пасмурной реальности свободы.
Здесь можно быть собою, не боясь,
Что кто-нибудь в толпе тебя узнает,
Ведь нет толпы. И тени от гондол
Скрывают слёзы страждущих. Как будто
Крепчает дождь. Каналам не впервой
Глотать сырую воду с небосвода.
И тучи безымянных голубей
Взлетают в небо, полное печали.
Здесь музыка степенна и честна.
Здесь хочется кричать о Мопассане.
Здесь дама в белой шляпке – сатана,
Манящая грехом. Здесь всё, как прежде.
И чумный доктор, голову склонив,
Стоит себе на набережной, ибо
Он временем прощён. И рыжий кот
Неспешно так гуляет по палаццо.

Проспект Непокорённых

Когда рябит с насмешкою и болью
В твоих глазах полуденная блажь,
И стук дождя с пульсирующей кровью
Так просто спутать – взять на карандаш
Безмолвный храм, истерзанный прохладой
И шум реки, закованной в гранит,
В чьей серости виднеется блокада
Холодная, как тень могильных плит.

Кругом ноябрь. Выцветшие стены
Молчат о страшном прошлом. И у стоп
Тугие волны хрипом белой пены
Твердят о боли, вызвавшей потоп
Из горьких слёз и крови уцелевших,
Ведь мёртвым нечем плакать. Раны их
Всё стынут на морозе. С шагом в вечность
Лишь больше таешь в каплях дождевых.

Средь бела дня и пасмурности града,
Сухой стеной возросшего пред злом,
Я вижу в лужах облики солдат и
В пустых парадных слышу метроном.
Да, этот город помнит, ясно помнит,
Как дул блокадный ветер, наугад
Снося людей, идущих через голод,
Тисками сжавший гордый Ленинград.

Он помнит их обветренные лица
И стойкость глаз стеклянных, но живых.
Кругом ноябрь. Небо шелушится
Окопной грязью, кожей рядовых.
И жизнь идёт исправными часами
Вдоль стылых стен сквозь хладные ветра,
И где-то за нигде, за небесами
Блестит улыбка грозного Петра.

Тени

Гоняет ветер рвань сырых газет,
Швыряет их на камни тротуара.
Лишь тени шляп на первой полосе
Цепляет взгляд сквозь сумрак перегара.

До слуха вновь доносится стрельба
И бой бокалов в баре недалёком.
Бредёт в ночи, шатаясь, голытьба,
Не чувствуя журчанья кровотока.

И ёжится в кармане портсигар,
В дурмане пахнет высушенной пихтой.
Утратил я главенствующий дар
Нечаянно быть вымытым и сытым.

Домов не счесть, да были бы ключи.
Заря встаёт, как из-под одеяла.
Ты слышишь звон? То колокол кричит
Тебе о том, что времени не стало.

Дальний свет

Я как выпавший в море осадок,
Рыжий дождь, растворяющий тучи.
Разум раненный брошен в засаде
Тем приказом, что не был получен.

Птицей вьётся над вишнями лето,
Пашни пахнут свободой и счастьем.
Только тлеет мой век сигаретой,
Заплутавшей у дьявола в пасти.

Это милое-милое дело —
Убегать в зазеркальную вечность.
То, что может не вынести тело,
На горбу тащит в марево печень.

И над всем этим плавится солнце,
Загоняя во тьму большеглазых.
Ртом хватаешь не воздух, а стронций,
Оказавшись без противогаза.

Сердце скачет в груди со скакалкой,
Жизнь гудит паровозом на север.
И мальчишка, потрёпанный палкой,
Подорожник меняет на клевер.

Лужи пахнут балтийским приливом,
Соль вкуснее вдруг стала, чем сахар.
И желает семь футов под килем
Мне раздутый от выпивки пахарь.

Ночь советов ложится на город.
Лунный свет всё мне кажется дальним.
И, скрещённый с серпом, ржавый молот
Гнёт отчаянных на наковальне.

«Если жизнь положить в светло-серый конверт...»

Если жизнь положить в светло-серый конверт
И отправить на юг – не удержит письма
Моей музы ладонь, что при взгляде на свет
Так же щурит глаза. Нынче радует тьма.
Облачённая в боль, она шепчет в ночи
О беспечности лет, пролетевших как миг.
Если в ржавый замок не влезают ключи,
То пора уходить. Только сдавленный крик
Знает всё обо мне, заточённый в груди.
Он уверен, что я не вернусь никогда.
Если жизнь была сном, он теперь позади,
И забыть про него не составит труда.

Сырая дрожь

Как только не
Кричали мне проклятия и цифры
Залитого, забрызганного шифра,
Что на спине,
Как знак «инь-ян»,
Был выведен автобусу мужчиной
Довольно средних лет. И за машиной
Бежать сквозь Ломоносовский туман —

Совсем не то,
Чего ты ожидаешь от поездки
Туда, куда-то в сторону по-детски
Худых мостов.
И стар и млад,
Затихший на продавленных сиденьях,
Обузданный злорадствами и ленью,
Отставшим рад.

Ну что ещё
Тебе мне предложить, пока не стихли
Слова волхвов над выщерблено тихим
Житьём трущоб?
Я молод и
Лишён любви к изысканным манерам.
В моём окне виднеется фанера,
Как орден безразличью на груди.

За что люблю —
Не в силах рассказать или ответить.
Я знаю, жажду жизни или смерти
Не утолю.
И кровь течёт
По жилам рваным, кости согревая.
И жизнь идёт, разлуку упирая
В моё плечо.

Как стылый дождь,
Застывший над Дворцовой, как над гробом,
Седой прохожий втискивает злобу
В сырую дрожь.
Узреть апрель,
Униженный сверкающим светилом,
Растягивать оставшиеся силы,
Чтоб не усестись с временем на мель.

Я был другим —
И это данность, брошенная наземь
Пред вырванной из дня, невидной глазу
Толпой руин.
Идут года,
Кричат из подворотни: «Будешь водку?»,
И я, не надрывая жил и глотки,
Шепчу им: «Да».

Зимние стансы

Холод струится песней
 в джазовом клубе. Гости
медленно пьют игристый
 винный напиток, виски,
водку, martini. Праздно,
 как за игрою в кости,
смерть забирает жизни.
Звоном бокалов, светом
 пыльных плафонов, дымом
длинных сигар и лаком
 старых гитар покрытый,
холод всё знает. Реже
 знает не всё, как мы, но
мне им не стать забытым.

Старый Чикаго, «Форды»,
 чёрные шляпы, мех на
женских пальто, перчатки
 в порохе, лампы банков,
тёплые гильзы, смог и
 взгляд в середину века,
чей номер двадцать. Запах
выпивки, слёз, парфюма,
 крови, пролитой наземь,
кресел и сцен театров,
 блеск портсигаров, снега.
Холод встречает время
 белой улыбкой, глазом,
спущенным с тени века.

В тёмной квартире, полной
 старых открыток, пыльных
чёрных экранов, шатких
 стульев, скрипучих окон,
люди прекрасно знают,
 сколько они любили
и потеряли сколько.
Где-то в подъезде мыши
 вновь исчезают в стенах,
в трещинах, коих сотни,
 и в незаметных лазах.
Где-то внутри, под кожей,
 кровь согревает вены
синим цветочком газа.

Холод слетает с неба
 снегом, январским ветром
и оседает в лёгких.
 Сколько же будет боли...
Шляпы уходят в полночь,
 в городе пахнет фетром
и океанской солью.
Стынет мой кофе. Вечность
 тихо крадётся в спальню,
ищет пижаму, тапки,
 но не находит оных.
Холод терзает душу,
 сердце покрыто сталью.
Сердцу положен отдых.

Петербургские строфы I

*Так смолкают оркестры.
– Иосиф Бродский*

I

За заводом река —
 бесконечно скупое соседство
Багровеющих труб
 со студёными водами. Сжался
Над незрячим творцом
 одинокое стучащее сердце!
Я ловлю ритм колёс
 и слезами залитого вальса.

За заводом река —
 да и новость ли это, ей-богу?
Проходя взад-вперёд
 по сырому асфальту я видел,
Как гремевший трамвай,
 будто скальпелем, режет дорогу,
А внутри всем плевать,
 и, особенно, едущим сидя.

За заводом река.
 Прислонись к парапету, бродяга.
Видишь утка плывёт
 против ветра. Забавно, не так ли?
Сигарета, как жизнь —
 горьковата, но вовсе не в тягость.
Против ветра плывёт...
 Даже утку по-своему жалко.

II

Я не против тоски
 как явления – против привычки,
Занимающей мозг
 хуже всякого спирта и дыма.
Не согреться в ночи
 слабым пламенем гаснущей спички
И теплом батарей.
 Не остаться в ночи невредимым.

Только чайник шумит,
 только окна свистят босяками.

Над пропитой тоской
стаей чаек проносятся тучи.
Где-то солнце встаёт
над замёрзшими за ночь мостами,
Значит, всё хорошо.
Значит будет когда-нибудь лучше.

Оперенье сменить,
приготовиться к зимним полётам.
Всё белей полоса
и сцепление меньше. Досада!
В своём доме пустом,
как в холодных стенах Камелота,
На немую кровать
опускать свою дрожь по глиссаде.

III

Слышишь пение птиц?
В том и дело – я тоже не слышу.
Неповинным церквям
в одиночку слагать свои песни.
За заводом река,
и кирпичные трубы всё выше.
Только дым в тишине
остаётся поистине честным.

Только дым дарит сон,
что поэт называет виденьем.
Только дым знает всё
о безрадостной жизни скитальца.
Из бутылки лить спирт
на истёртые оземь колени
Не поморщив лица —
я до Бога хотел достучаться.

Я не верил словам,
порицающим веру. Не верил.
Оказалось, был глуп.
Так простите меня-недоумка.
За заводом река,
но я прячусь от общества в сквере.
И бесцельно шумит
здесь остатками листьев разлука.

IV

Хорошо одному
на промёрзшей скамье, на вокзале.

Хорошо одному
на проспекте средь толп беспокойных.
Хорошо одному
на покинутом всеми причале —
Это мантра глупцов
бесконечно скупых и свободных.

Хорошо одному
в опустевшем под вечер вагоне
Возвращаться домой
по подземным изведанным тропам.
Только эхо гудит,
только двери закрытые стонут.
Опустевший вагон —
всеми признанный рай мизантропа.

Хорошо одному,
только ложь эта давит на сердце.
Заходите в мой дом,
разделите со мною чашку чая!
Пусть не сможем мы им
утолить свою боль и согреться,
Это правильный путь —
умирать, непрерывно общаясь.

V

За заводом река
полупьяная, полусвятая.
Проходя вдоль неё
я всегда погружаюсь в раздумья.
Только смерть есть конец,
только смерть навсегда разлучает.
Значит, смерть есть разлук
окончательно точная сумма.

Сумма тел и земли,
что обильно полита слезами,
Душу рвущих «прощай»
и разбитых сердец, несогласных,
Что лишь смерть может всё, что лишь
смерть может встать между нами,
Не спросив ничего
и оставив без света и ласки.

Так не бойтесь её,
не имея возможности выйти
Из сраженья живым
с окровавленным чувством победы.

Всё молчит Петербург,
 чьи холодные зимние виды
Вечно греют людей
 лучше всякого тёплого пледа.

VI

За заводом река.
 Как стремительно кончилась осень!
И ногам всё трудней
 бороздить побелевшую землю.
Окна старых домов,
 словно чёрные очи колодца,
И, бросая в них взгляд,
 видишь только обмякшее тело

В луже собственных грёз
 с приоткрытыми ртом и глазами.
Не вставай, старина,
 если больше не в силах бороться.
В этих серых краях
 почти все не в ладах с небесами,
Потому что они
 очень редко увенчаны солнцем.

Только дальше идти,
 сохраняя обет стихотворца,
И бросать кости псам,
 этим вечно голодным бродягам.
Кто сюда прилетел,
 тот уже никогда не вернётся —
Эта клятва сродни
 только Родине данной присяге.

VII

Я не вышел лицом
 и поэтому часто задумчив.
Удлиняю анфас
 и глаза свои делаю строже.
Слишком много всего
 здесь решает бессовестный случай,
Оставляя нам жизнь,
 что, конечно, на жизнь не похожа.

Можно верить перу,
 можно верить словам, можно слухам.
Да, бумага мудрей,
 только вкус сладких фраз так и манит.

Видеть правду и ложь —
 это та ещё злая наука.
Это та ещё боль —
 очищать пострадавшую память.

Так проносится жизнь
 чередой непроявленных кадров,
Чёрно-белой тоской,
 кратковременной радостью, смехом.
Так проносится жизнь.
 Так смолкает оркестр эстрадный,
Оставаясь в ушах
 навсегда нарастающим эхом.

Вам

Вам, бесконечно сухим от хождения
Взад и вперёд голубиных взводов,
Солнце зашедшее кажется тенью, и
Небо горит над мотком проводов.

Я не силен в баллистических прениях,
Но утверждаю с медальным лицом —
Пуля всегда рикошетит от пения
Рано вернувшихся с юга скворцов.

Значит, вы пали зимой, опьянённые
Ночью микстурой баянных мехов.
Вспомните, как под усами Будённого
Гвозди ковались для ваших гробов...

Да, вам, оставленным верой и правдою,
Выбитым в камне дрожащей рукой,
Век не узнать, как в объятия падают
Мощи вернувшихся с фронта домой.

Rerum

Я, глянув львам в разинутые пасти,
Упёрся в силу каменных клыков.
Гудит река, позвякивают снасти
Пустых паромов. Капает с веков

Святая влага памяти народной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.